

Евгений Вахтангов

443 (К 15-летию со дня смерти)

Исключительно страстной, многогранной и глубокой была творческая натура и жизнь Евгения Багратионовича Вахтангова.

Великолепный актер, выдающийся режиссер, совершенно исключительный педагог, — воспитатель и руководитель театральной молодежи, — всегда чуткий и восприимчивый к окружающей его жизни, общественник в большом смысле этого слова, — таким был Вахтангов.

Его творческой колыбелью был Московский Художественный театр. Он учился у таких мастеров искусства, как К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко.

Он был страстным искателем новых путей в искусстве, неутомимым экспериментатором. Но какие бы формы и приемы он ни изобретал, какие бы новые пути ни прокладывал, на порочный путь голого экспериментаторства он никогда не становился. Все, что он делал, он делал, не покидая прочной основы реалистического искусства — правды подлинной жизни.

Декадентский символизм, мистицизм, футуризм, упадочный романтизм, все виды формализма, — мало ли опасностей подстерегали Вахтангова на его творческом пути? Но он счастливо избегал их. Здоровое реалистическое чутье, любовь к актеру, к правде живого актерского чувства, всегда спасали Вахтангова и выводили его на правильную дорогу. Он находил новые пути, новые формы, новые приемы и методы, и все они неизменно оказывались ценными и нужными, потому что вырастали на здоровой почве тех требований, которые выдвигала жизнь. Так Вахтангов развивал, дополнял и обогащал то, что он получил от своих учителей.

Правда чувств, поданная зрителю в театрально-выразительной форме, — вот к чему стремился Вахтангов.

Все творчество Вахтангова проникнуто духом истинного гуманизма, глубочайшей любовью и сочувствием к угнетенному и борюющемуся за свое освобождение человечеству. Вахтангов страстно верил в человека. Он верил в возможность человеческого счастья не на далеком небе, а здесь, на земле.

После социалистической революции Вахтангов начинает понимать, что только путь борьбы может привести человечество к счастью, что человечество резко делится на две неравные части — на эксплуатируемых и эксплуататоров, и он вооружает свое творчество, чтобы прославлять первых и бичевать, клеймить позором и презрением вторых. Для изображения тех и других у него разные приемы, разные сценические средства: для первых — живое человеческое чувство и простота естественной формы, для вторых — театральный гротеск, показывающий людей-кукол, оскотеневших в бесчувственном, бездушном, жестоком своем существовании.

Всего только пять спектаклей успел поставить Вахтангов после революции. И тем не менее эти пять спектаклей — «Чудо святого Антония» Метерлинка, «Свадьба» А. П. Чехова, «Эрик XIV» — Стриндберга, «Гадибук» Ан-ского и «Принцесса Туррандот» К. Гоцци — принесли Вахтангову всемирную известность, поставив его имя в одном ряду с именами крупнейших режиссеров нашего времени.

И мы можем смело сказать, что в основе бурного творческого расцвета, которым характеризуются последние годы жизни Вахтангова, лежит его отношение к революции.

«Надо же понять, — писал Вахтангов в 1919 году, — что все старое кончилось. Навсегда. Умирают цари. Не вернутся помещики. Не вернутся капиталисты. Не бу-

дет фабрикантов. Надо же понять, что со всем этим покончено».

Свои последние работы сам Вахтангов вовсе не расценивал как осуществление своих больших творческих замыслов. Он смотрел на них только как на подготовительные опыты, предварительные упражнения. Он готовился, копил силы, оттачивал свое мастерство.

О творческих мечтах Вахтангова, о его предчувствиях и надеждах говорят его дневники. В 1918 году Вахтангов мечтает заказать пьесу о библейском Моисее. Воображению Вахтангова рисуются величавые массовые сцены, перед его умственным взором «идут века», ему слышится «песнь надежды тысячи приближающихся грудей», — это «идет народ строить свою свободу». Вахтангов мечтает поставить байроновского «Кайна», «Зори» Верхарна, «Фауста» Гете, «Гамлета» Шекспира. В 1919 году у Вахтангова рождается мечта о создании «Народного театра», отражающего революционный дух народа. Постановки этого театра «должны быть непременно грандиозны, непременно с массовыми сценами, непременно героического репертуара».

В основе всех этих творческих мечтаний и замыслов лежит одно: стремление к большому, истинно-народному искусству.

На последнем Пленуме ЦК партии товарищ Сталин говорил:

«Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми».

Разве то, что сказал товарищ Сталин о большевиках, не относится также и ко всем художникам нашей страны? И ученикам Вахтангова бесконечно радостно сознавать, что эта истина была близка и понятна их учителю. В 1919 году Вахтангов писал в своем дневнике:

«Только народ творит, только он носит и творческую силу, и зерно будущего творчества. Грех перед своей жизнью совершает

художник, не черпающий этой силы и не ищущий этого зерна...» «То, что не подслушано в душе народной, то, что не угадано в сердце народа — никогда не может быть драгоценным. Надо набираться творческих сил у народа».

Глубокое отвращение питал Вахтангов к искусству, которое отрывается от жизни «Театр нельзя обращать в курильню опиума», — говорил он о таком искусстве.

Но он не признавал также и такого искусства, которое ставит себе утилитарно-педагогические или дидактические цели: «Художник должен прозреть в народе, а не учить его», — говорил Вахтангов. Он не признавал театра «для народа»: «Если художник хочет творить «новое», то он должен творить «вместе» с народом. Ни для него, ни ради него, ни вне его, а вместе с ним...» «Театр никогда не должен быть театром попечительства о народной трезвости», — говорил Вахтангов.

Если проследить творческий путь вахтанговского театра, можно увидеть, что театр этот неизменно одерживал творческие победы, когда он следовал основным указаниям своего учителя: не изменял основам той реалистической школы, которая родила и воспитала Вахтангова, не отрывался от жизни.

Оставаясь вахтанговцем, нельзя канонизировать те или иные сценические приемы или превращать в догму тот или иной принцип постановки. Вахтангов — это непрестанное движение, это непрерывное развитие, это желание и умение дать ответ на запросы жизни.

Мечта Вахтангова о героическом репертуаре, героическом спектакле как никогда должна быть близка и понятна вахтанговскому театру. Обязанность театра — показать, отразить, выразить на сцене театра героизм народов нашей родины. Идеи Вахтангова о таких спектаклях должны стать руководящими идеями театра. Это — верный залог творческого бессмертия Вахтангова в театре, носящем его имя.

Заслуженный деятель искусств
Б. ЗАХАВА.